

О.В. Дмитриева*

**ФРАНЦУЗСКИЙ ДВОР XVI СТОЛЕТИЯ:
МЕЖДУ ЗОЛОТЫМ И ЖЕЛЕЗНЫМ ВЕКОМ.
О КНИГЕ В.В. ШИШКИНА**

Монография В.В. Шишкина, которой посвящена данная статья, является первым в отечественной науке исследованием, в котором осуществлен комплексный подход к изучению институциональных параметров французского королевского двора XVI в. Двор представлен в ней как сложный социальный организм, самодовлеющий институт, один из важнейших инструментов государственного управления и формирования публичного образа власти. Анализ институционального развития двора помещен в более широкий контекст политической истории Франции XVI в., становления раннего абсолютизма, формирования так называемой «новой монархии» с ее специфическими идеологическими установками и неоплатоническими идеалами. Дальнейшая эволюция двора рассматривается на фоне серьезных вызовов королевской власти со стороны политических оппонентов и религиозных радикалов разных конфессий, что, в конечном счете, привело к гражданским войнам, ослаблению монархии и кризису двора как одного из властных институтов и зримого воплощения абсолютной монархии.

Ключевые слова: Франция XVI в., французская монархия, королевский двор, придворное общество, Франциск I, Генрих III, Екатерина Медичи, Генрих IV

Цитирование: Дмитриева О.В. Французский двор XVI столетия: между Золотым и Железным веком. О книге В.В. Шишкина. DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-354-367 // Французский ежегодник. 2020. Т. 53. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 354-367.

Поступила в редакцию 10.03.2020

Принята к печати 17.03.2020

---

* *Ольга Владимировна Дмитриева, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средних веков и раннего Нового времени Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, dmitrieva.o@kremlin.museum.ru*

Olga Dmitrieva, Dr. Hab. (History), Professor of the Department of medieval and early modern time history, Faculty of History, Moscow State University, dmitrieva.o@kremlin.museum.ru

Olga Dmitrieva

**FRENCH COURT IN THE 16TH CENTURY:
BETWEEN THE GOLDEN AND THE IRON AGE.
ON THE BOOK BY V.V. SHISHKIN**

The book under review is the first comprehensive institutional study of the French Royal court in the 16th century. The court is presented in V.V. Shishkin's work as a complex social phenomenon, a self-sufficient institution, instrumental in state administration and representation of King's power. Its institutional development is discussed in a wider context of French political history of the 16th century, genesis of an early absolutist regime and formation of so called 'new monarchy', with its specific ideology and Neoplatonic ideals. Further evolution of the court is traced against a background of serious challenges from the political opponents of the Crown and religious zealots of various confessions, which eventually led to the civil wars, decay of monarchical power and crisis of the court as an institution of power and embodiment of absolutist monarchy.

Keywords: France in the 16th century, French monarchy, Royal court, courtly society, Francis I, Henry III, Catherine de Medicis, Henry IV

For citation: Dmitrieva O.V. (2020). Frantsuzskiy dvor XVI stoletiya: mezhdz Zolotym i Zheleznym vekom. O knige V.V. Shishkina [French Court in the 16th century: Between the Golden and the Iron Age. On the book by V.V. Shishkin] DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-354-367. *Annual of French Studies* 2020. Vol. 53. Moscow: IVI RAN, 2020. P. 354-367.

Submitted: 10.03.2020

Accepted: 17.03.2020

Начиная со второй половины прошлого века, монаршие дворы Средневековья и раннего Нового времени являются предметом интенсивного изучения. О росте интереса международного профессионального сообщества к этой проблематике свидетельствует учреждение в 1995 г. в Лондоне Общества исследователей двора (The Society for Court Studies) и его международного печатного органа *The Court Historian*. Изучение двора как комплексного феномена изначально носило интердисциплинарный характер, поскольку эта тема охватывает множество взаимосвязанных исследовательских полей, включающих институционные, социаль-

ные, политические, историко-культурные аспекты. Разнообразие возможных подходов породило множество работ, рассматривающих это явление и в общетеоретическом плане, и на примере конкретных национальных моделей, и в компаративном плане¹. Немало трудов посвящено и двору французских монархов, однако его по преимуществу рассматривали с точки зрения политической истории, истории церемониала и придворной культуры. Появление новой монографии признанного знатока французской куриальной истории В.В. Шишкина «Французский королевский двор в XVI веке»² – важный вклад в интернациональную историографию вопроса.

Автор ставит перед собой масштабную задачу – проследить эволюцию двора на протяжении нескольких веков, от Капетингов до Бурбонов, сосредоточив основное внимание на XVI столетии как ключевом этапе оформления этого института и становления французского придворного общества. Он демонстрирует по настоящему комплексный подход, реконструируя куриальные структуры, номенклатуру должностей, конфигурацию и функции служб, их иерархию, принципы взаимодействия, социальный состав придворного окружения короля, преемственность в его формировании. Поставив вопрос о сущностных характеристиках этого учреждения на разных этапах его исторического развития, В.В. Шишкин выделяет модели «средневекового» и «ренессансного двора», подчеркивая преемственность между ними и убедительно доказывая, что, с точки зрения институциональных параметров, двор королей из династии Валуа в XVI в. был высшей фазой в развитии средневековой типологической модели. В то же время в монографии демонстрируются линии преемственности между дворами последних Валуа и пришедших им на смену Бурбонов.

По мнению автора, именно в XVI в. окончательно складываются ключевые системные элементы двора, оформляется состав

---

¹ Из огромного моря литературы, посвященной этой проблематике, назовем лишь некоторые работы, характеризующие эти тенденции: *Элиас Н.* Придворное общество. М., 2002; *Двор монарха в Средневековой Европе. Явление. Модель. Среда.* М., СПб., 2001; *Королевский двор в политической культуре Средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал.* М., 2004; *Королевский двор в Англии XV-XVII веков.* СПб., 2011; *Princes and Princely Culture. 1450-1650. Vol. 1.* Leiden. 2003; *Knecht R.J.* The Renaissance Court, 1483-1589. L., New Haven. 2008; *Royal courts in dynastic states and empires. A global perspective.* Leiden, Boston. 2011.

² *Шишкин В.В.* Французский королевский двор в XVI веке. СПб.: Евразия, 2018. Далее ссылки на эту работу даны в тексте статьи.

куриальных ведомств и служб, утверждается принцип наследственного держания должностей, обеспечивающий стабильность режима, благодаря своего рода пакту между монархом и представителями социальной элиты, обретающими в придворной службе постоянный источник дохода. В этот период завершается превращение королевского двора в важнейший институт государственного управления, центр принятия политических решений, двор видится одним из воплощений «политического тела» Франции и осуществляет функцию сплочения французского общества вокруг персоны государя.

Автор стремится всемерно подчеркнуть наличие стратегической линии королей из дома Валуа, нацеленной на упорядочение структуры двора, тщательное регламентирование самых разных сторон его внутренней жизни и профессионального функционирования. В.В. Шишкин убедительно доказывает, что вопреки традиционным представлениям «революция» в куриальном управлении была инициирована уже Франциском I и продолжена его преемниками. С этой точки зрения интересна его заочная полемика с Ж.Ф. Сольноном и Р. Кнехтом по поводу масштаба преобразований, привнесенных Франциском I в организацию работы куриальных служб. В то время как его предшественники настаивали на незначительности этих инноваций, указывая на практическое отсутствие королевских ордонансов, касавшихся различных придворных служб, наш автор привлекает внимание к принципиально иному типу документов, регулировавших эти вопросы при Франциске I и Генрихе II – «Положениям о доме короля» (С. 113-118). Характер этих нормативных памятников чрезвычайно важен как показатель институциональной зрелости двора. Опора на внутренние «Положения», не проходившие, в отличие от ордонансов, регистрации в Парижском парламенте, знаменовала собой оформление особого правового статуса двора, свободного отныне от вмешательства иных ведомств. При этом «иммунитет» распространялся также на документы, регулировавшие службы младших дворов – королевы и членов королевской семьи.

Континуитет основных куриальных структур в конце XV – начале XVI вв. не должен заслонять от нас того факта, что при Франциске I осуществлялись целенаправленные реформы, отражавшие как персональный «стиль» этого государя в управлении, так и новые идейные претензии власти. Наиболее важные из этих преоб-

разований были связаны с изменениями функций и должностной номенклатуры одного из ключевых элементов двора – Королевской палаты, подведомственной Главному камергеру.

Именно эволюция Королевской палаты в XV–XVI вв. отражала перемены, связанные как с личными запросами, так и с ростом претензий монархов на исключительный характер их публичной власти. Две взаимоисключающие тенденции в жизни правителей этой эпохи неоднократно становились предметом обсуждения в научной литературе: с одной стороны, нарастание стремления к приватности, уединению во внутренних покоях дворца ради интеллектуальных досугов или мирного семейного времяпрепровождения, к отдыху на природе в «секретных» садах, к молитве в личной часовне. С другой – осознание совершенно исключительного статуса короля как носителя суверенной власти, что требовало соответствующих реформ в сфере придворного церемониала и репрезентации, и, как следствие, переосмысления планировки дворцовых резиденций и перераспределения их частных и публичных пространств.

Ведомство Главного камергера и Королевская палата обеспечивали, прежде всего, комфортное существование «естественного тела» короля, его потребность в приватности (хотя практически невозможно отделить частное и публичное в жизни монарха даже в его личных покоях, где нередко принимались важнейшие политические решения, продолжалась работа, и существовал свой повседневный церемониал). Границы частных покоев, отделенных от публичных пространств дворца, становились все менее проницаемыми для основной массы придворных, право доступа за линию демаркации служило показателем принадлежности к ближайшему кругу королевских советников и избранных придворных, превращаясь в вожаемую цель и предмет ожесточенного соперничества.

Главные перемены в составе Королевской палаты были связаны с учреждением Франциском I особого штата камер-юнкеров (*gentilhomme de la chambre*), служивших в личных покоях и имевших самый непосредственный доступ к «телу» короля, что автоматически повышало престиж этой почетной должности, не говоря уже о статусе первого камер-юнкера, превращавшегося в значительную фигуру, по меньшей мере, в политической вселенной двора. Истоки его влияния были связаны с тем, что известный английский историк Дэвид Старки называет «политикой

интимности»³, – со способностью быть рядом с королем в любое время дня и ночи, возводить для остальных барьеры на пути к монарху или помогать их преодолевать, а также лоббировать определенные интересы и оказывать покровительство отдельным лицам или группировкам.

Штат Королевской палаты был вовлечен и в организацию церемониальной жизни дворца, наряду со служащими Главного распорядителя двора, которые осуществляли подготовку наиболее значительных публичных церемоний. Персональный состав Королевской палаты отражал склонности и стиль правления Франциска I, принадлежавшего к числу монархов, не стремившихся поддерживать дистанцию между собой и подданными. Скорее его можно было отнести к государям, активно «соучаствовавшим» в светской жизни двора – турнирах, маскарадах, пирах и охотах. Франциск окружил себя молодыми аристократами, а также дворянами невысокого статуса, участниками его военных кампаний, любимцами-миньонами, которые неизменно участвовали в его развлечениях, призванных по-своему являть великолепие ренессансного государя. Эта активность во многом определяла важную роль Королевской палаты в организации дворцового церемониала.

Быть может, одним из самых убедительных доказательств возраставшего значения этой институции стало то, что английский король Генрих VIII, реформируя соответствующее ведомство – Палату (Chamber), и выделив из ее состава так называемую Частную палату (Privy Chamber), взял за образец именно французскую модель. В 1518 г. он ввел новую придворную должность, изначально именовавшуюся по-французски – *gentilhomme de la chambre*, которая лишь со временем обрела английское название – *gentleman of the Privy Chamber*. Сами обстоятельства ее учреждения в Англии указывают на важную роль, которую штат французской Королевской палаты играл в дипломатии, относившейся уже к сфере публичной политики. Направление служащих Королевской палаты с дипломатическими миссиями к европейским дворам подчеркивало высокий статус посольства, поскольку речь шла о репрезентации в их лице французского короля посредством демонстрации близости к нему или «интимности»⁴. Присутствие миньонов

³ Starkey D. Intimacy and innovation: the Rise of the Privy Chamber, 1485-1547 // The English Court: from the Wars of the Roses to the Civil War. L., N.Y., 1987. P. 71-118.

⁴ Караваева Е.Э. Власть, дипломатия и культура при дворе Генриха VIII Тюдора. М., 2018. С. 72-79.

Франциска I, обладавших статусом *gentilhommes de la chambre* в составе миссии 1518 г. в Англию и необходимость подобающим образом выстроить церемониальную процессию с их участием заставили Генриха VIII учредить аналогичную должность. Впоследствии французские и английские камер-юнкеры неоднократно входили в состав посольств, которыми обменивались их государи, что повлекло за собой складывание новой традиции: при дворе монарха-контрагента им присваивался статус, соответствующий их должности, с допуском в святая святых королевского дворца и возможностью не только присутствовать, но и прислуживать иностранному государю при самых интимных процедурах. Получение привилегированного статуса при иностранном дворе способствовало установлению более прочных личностных связей между придворными, облеченными особым доверием их государей, достижению взаимопонимания в сложных политических ситуациях, возможности задействовать неформальные каналы во внешней политике.

Этот пример позволяет нам затронуть более широкую тему – вопрос о роли Королевской палаты в политическом управлении. В.В. Шишкин неоднократно и подчеркивает, что это ведомство было центром принятия политических решений и административного управления в масштабах страны. Однако ввиду заявленного в монографии институционального подхода к изучению курiales структур автор не ставит перед собой задачи детально обсуждать механизмы, посредством которых Королевская палата осуществляла эту деятельность. Между тем вопрос о том, как соотносились между собой и взаимодействовали органы «бюрократического», «государственного управления» и придворные ведомства, представляет очевидный интерес. Ответ на него, разумеется, требует специальных исследований, посвященных месту в системе двора Королевского совета (и не в последнюю очередь – его локализации в дворцовых резиденциях), соотношению функций различных должностных лиц, ведавших королевскими печатями, и личных секретарей монарха, взаимодействию финансовых ведомств двора, хранителей «личного кошелька» короля с различными службами казначейства, контролировавшими «публичные» средства, роли придворных в качестве специальных посланцев, облеченных доверием короля, осуществлявших от его имени связь с администрацией на местах и т.д.

Изучая двор, практически невозможно провести грань между его институциональным и политическим аспектами. То же самое можно сказать о личностном факторе в придворной жизни и в политике, поскольку любой государственный деятель, пребывая при короле, выступал в ипостаси придворного, а всякий служащий двора, питавший какие бы то ни было амбиции, должен был быть проницательным политиком, чему недвусмысленно учили ренессансные трактаты об идеальном придворном. Попытка объять необъятное и дать ответы на все вопросы относительно того, *каким образом* двор осуществлял роль центра принятия политических и административных решений в масштабах королевства, в рамках одной монографии, по-видимому, заведомо обречена на неудачу. Хочется, однако, надеяться, что со временем автор, с его доскональным знанием куриальных структур, обратится и к вопросам, связанным с пересечением и взаимным наложением сфер их деятельности с административными органами иных уровней и иной институциональной принадлежности.

Вернемся, однако, ко двору Валуа-Ангулемов. Наряду с пристальным вниманием к «политике церемониала», регламентации участия придворных в торжественных государственных церемониях, подобных *lit de justice*, В.В. Шишкин по праву относит к числу важнейших преобразований Франциска I реорганизацию «военного двора» короля. Франциску I удалось существенно укрепить структуру, ответственную за безопасность самого государя и дворцовых резиденций, а также за военно-церемониальную сторону торжественных королевских выездов и процессий. Его придворная армия, состоявшая из французских и шотландских дворян, а также швейцарских наемников, насчитывала около 750 человек, готовых отправиться с королем на войну, выполняя вассальный долг, а также служить ему при дворе. Привилегированный статус гвардейских рот и их капитанов, приносивших присягу лично монарху, способствовал установлению особых связей между ними и королем и созданию условий, в которых куриальная служба становилась все привлекательнее для французского дворянства (С. 139-146).

Одной из важнейших характеристик «новой» монархии XVI в. становится ее стремление поставить под контроль церковные структуры. С этой точки зрения реорганизация «церковного двора», осуществленная Франциском I, свидетельствовала о принципиально новых отношениях «христианнейшего короля» с цер-

ковью, отражая, помимо прочего, его политические достижения в этой сфере, увенчавшиеся Болонским конкордатом. Выступая полноправным распорядителем церковных владений и должностей в своем королевстве, он повышает статус главы «церковного двора», кардинала, который становится Главным распорядителем милостыни Франции, в то время как два других князя церкви в статусе кардиналов возглавляют королевскую церковь и королевскую капеллу, а штат священников, духовно окормлявших двор, достигает ста человек. Трудно не согласиться с В.В. Шишкиным в том, что стремление французских государей к контролю над духовенством при определенном балансе интересов, достигнутом с представителями высшего клира, получившими престижные должности, обеспечило духовенству как сословию возможность «представительства» в куриальных структурах (С. 146-153).

Обновление структуры двора и его церемониала было всецело подчинено идее усиления власти короля, превращения его в «недосягаемую публичную и церемониальную фигуру» (С. 160). Это был двор, рассчитанный на репрезентацию в лице государя всего королевства Франции, централизованной монархии, во главе с суверенным правителем, власть которого приобретала абсолютистский характер. Результаты анализа В.В. Шишкиным институциональных преобразований при Франциске I и Генрихе II, существенно дополняют и придают законченность общей картине поступательного развития французской монархии в первой половине XVI в., в период, по праву считающийся ее Золотым веком.

Убедительно выглядит полемически заостренный тезис автора о том, что «придворное» общество во Франции сформировалось значительно раньше, чем это виделось авторитетному специалисту в области изучения двора Норберту Элиасу. Доказательной базой, подкрепляющей этот вывод, служит, по сути, весь материал монографии: просопографический анализ состава держателей куриальных должностей, констатация таких явлений как формирование семейных кланов, служивших при дворе, передача постов по наследству, аноблирующий характер даже низших придворных должностей, рост профессионализации, все более четкая регламентация обязанностей придворных, превращавшихся в особую социальную группу, обладавшую определенным юридическим статусом, привилегиями (в частности, освобождением от налогов) и четко зафиксированными служебными обязанностями.

Французский двор представлен в работе не только «домом короля». В.В. Шишкин являет читателю множественные придворные миры, включавшие также «младшие» дворы принцев крови и королев. Особенно любопытны выводы, к которым автор приходит, анализируя феномен «дамских дворов», прослеживая постепенную профессионализацию двора французских королев со времени правления Анны Бретонской, при которой началось превращение придворных дам в служащих, получавших жалование, а также зарождение ведомств, зеркально соответствовавших куриальным структурам «большого» двора. Уже при Франциске I «младшие» женские дворы матери короля, его супруги и сестры становятся неотъемлемым элементом французской придворной среды, что отражало, с одной стороны, новое отношение к женщине в ренессансной культуре и рост политического влияния «галантных дам», с другой – растущий спрос на придворные места, который удовлетворялся, в том числе, и за счет женских дворов. Возможность совмещения обязанностей и посменной службы в «доме короля» и в «доме королевы» позволяла обеспечить финансовые интересы большого числа дворян. Формирование этих рафинированных институций завершило оформление единого пространства французского двора и французского «придворного общества».

Детальная реконструкция структур и должностной номенклатуры женских дворов, а также просопографический анализ позволяют автору сделать заключение о чрезвычайно высоком аристократическом статусе гофмейстерин и тщательном отборе фрейлин, определявшемся высоким социальным статусом их семейств. Изучение численного и функционального соотношения мужского и женского персонала «дома королевы» неизбежно провоцирует вопрос о том, могли ли придворные дамы играть самостоятельную роль во внутренней политике двора, в частности, реализовать институционные возможности, связанные с принадлежностью к Палате королевы, в сфере патроната. Ответ, по-видимому, был неоднозначен: политический патронат высокопоставленных дам все-таки во многом зависел от влияния и соответствующих придворных постов их мужей и родственников. Что же касается вовлеченности женских дворов в политику в общегосударственных масштабах, то это явление стало характерной чертой французской политической реальности, прежде всего благодаря деятельности королевы-матери Екатерины Медичи.

Невозможно переоценить значение инициатив Екатерины Медичи и ее инструкций, направленных на наведение порядка в работе всех служб двора, регламентацию повседневной жизни, церемониала празднеств и развлечений, которые легли в основу последующих преобразований Карла IX и Генриха III. Организационные принципы, введенные вдовствующей королевой, доказали свою жизнеспособность не только в Париже, который именно при ней стал постоянной резиденцией двора, но и во время знаменитого Большого путешествия Карла IX по стране. С именем Екатерины связано расширение и преобразование пространства власти, как в столице (перестройка Лувра и начало строительства Тюильри), так и в провинциях, которые посещал двор.

В.В. Шишкин подчеркивает ключевую роль женского двора Екатерины Медичи в складывании официального придворного церемониала французской монархии, демонстрируя, что позднее ее унаследуют дворы Маргариты Валуа и Марии Медичи, которые будут поддерживать традиции и преемственность с великолепным «неоплатоническим» двором вдовствующей королевы-матери. Чрезвычайно интересна в интерпретации автора история поликонфессионального двора королевы Марго, при котором, несмотря на его постепенную маргинализацию, сохранялись религиозная толерантность и стремление к поддержанию единства придворного общества.

Однако эскалация религиозного противостояния не оставляла надежд на возвращение Золотого века, французская монархия стояла на пороге века Железного, и ее политическое тело было опасно больно. В начале 1570-х гг. двор становится ареной острой борьбы за власть и «полем битвы за Францию» (С. 487) между королем и герцогом де Гизом, стремившимся сосредоточить в своих руках важнейшие должности Главного распорядителя и Главного камергера. Генриху III удалось предотвратить попытку курьезного переворота, заставившую его перейти к преобразованию придворных служб, консолидации собственной клиентелы и укреплению военной составляющей двора, дабы оттеснить Гизов от власти и обезопасить собственную персону (Регламенты 1574, 1578 гг.). Важными составляющими этой программы стало возникновение нового подразделения личной гвардии короля – знаменитых Сорока Пяти, а также учреждение Ордена Святого Духа, в кавалеры которого возводились преданные монарху дворяне.

Ключевая роль в стратегии, направленной на повышение престижа королевской власти и обеспечение мира во Франции, принадлежала куриальной реформе 1585 г., которую В.В. Шишкин справедливо называет «самой масштабной и революционной» на протяжении XVI в. (С. 318). Всеобщим регламентом 1585 г. была впервые оформлена система ранжирования статусов в церемониальном пространстве двора: введена иерархическая последовательность в ходе публичных церемоний для королей, принцев крови, носителей аристократических титулов и высших должностей, прелатов, королевских фаворитов, прочих дворян. Подобное правовое конституирование элиты французской политической нации, причастной к управлению, по мнению автора, давало ей возможность «рассматривать себя как общефранцузское представительство при монархе» (С.488)⁵.

Важнейшей составляющей реформ 1585 г. стало утверждение торжественного придворного церемониала, призванного возвеличить монарха и подчеркнуть сакральный статус божьего помазанника. Детальной регламентации был подвергнут светский церемониал с его ритуалом королевского *lever*, тщательно разработанным порядком публичных выходов монарха, трапез, аудиенций, посольских приемов и орденовских церемоний. Изменения затронули и топографию королевских резиденций, пространство личных покоев короля (появление новых аудиенц-залы и присутственной палаты, а также барьеров, устанавливавших дистанцию между государем и придворными), структуру и состав Королевской палаты. Особый акцент был сделан на регламентации религиозной жизни двора, торжественных мессах, коллективных причастиях и процессиях, призванных, наряду со светскими церемониями, сплотить придворное общество в совместных корпоративных ритуалах и представить его как единое политическое тело, во главе с королем.

Однако нарастание конфессионального размежевания придворного общества в условиях религиозных войн не могли оста-

---

⁵ Восприятие двора как своего рода представительного института, где королю служат «делегаты» от элит разных уровней и основных сословий общества, по-видимому, было специфической чертой политической мифологии Франции, где многие учреждения (от университета до Парижского парламента) претендовали на право считаться представительными органами, в которых воплощается «тело всего королевства». Автор убедительно показывает, как куриальные реформы и рост «придворного общества» способствовали формированию такой концепции, что, безусловно, интересно в контексте изучения феномена европейского представительства и политических теорий, связанных с ним.

новить ни организационные реформы, ни усилия дамских дворов по усмирению страстей и всеобщему умиротворению. В интерпретации В.В. Шишкина королевский двор, пожалуй, впервые предстает столь важной составляющей общей картины религиозно-политической борьбы второй половины XVI в. Речь идет не только о столкновении монарха с его оппонентами и политическом противостоянии партий, но о том, что институционные параметры двора – принципы его комплектования и функционирования, церемониальные традиции, культурные коды и ценностные ориентиры – виделись инструментом, с помощью которого можно было достичь религиозного компромисса и умиротворения страны. Неадекватность возможностей, которыми располагал «дом короля», политическим вызовам эпохи привела к дезинтеграции двора «последнего неоплатоника» на троне – Генриха III, упадку авторитета власти, десакрализации персоны монарха и убийству помазанного правителя. Благодаря исследованию В.В. Шишкина тезис о кризисе и распаде ренессансного двора отныне, безусловно, займет должное место в историческом нарративе, посвященном гражданским войнам во Франции.

Тем не менее, как оптимистически утверждает автор в заключении, системный кризис двора не был абсолютным. Двор Маргариты де Валуа послужил связующим звеном между исчезнувшим двором ее брата и новым двором Генриха Бурбона, «опыт функционирования межконфессионального наваррского двора, с его выраженной миротворческой функцией, стал востребован в 1593/1594 гг., когда Генриху IV, объединившему обе короны и оба двора, удалось переломить ход Религиозных войн. Возвращение Маргариты де Валуа и ее двора в Париж в 1605 г. стало символическим актом единения всех частей королевского дома и полным восстановлением, легитимизацией французского двора» (С. 493).

REFERENCES

- Двор монарха в Средневековой Европе. Явление. Модель. Среда / Под ред. Н.А. Хачатурян. М. – СПб.: Алетейя, 2001. [Dvor monarcha v srednevekovoy Evrope. Yavleniye. Model. Sreda / Pod red. N.A. Khachaturyan. M., SPb.: Aletejja, 2001].
- Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV / Под ред. А.В. Чудинова и Ю.П. Крыловой // Французский ежегодник. 2014. М.: ИВИ РАН, 2014. [Jizn dvora vo Francii ot

- Karla Velikogo do Lyudovika XIV / Pod. red. A.V. Tchoudinov i Y.P. Krilovoy // Francuzskiy Ejegodnik. 2014. M.: IVI RAN, 2014].
- Караваяева Е.Э.* Власть, дипломатия и культура при дворе Генриха VIII Тюдора. М.: Музеи Московского Кремля, 2018. [Karavaeva E.G. Vlast, diplomatiya i kultura pri dvore Genricha VIII Tudora. M.L. Muzei Moskovskogo Kremlja, 2018].
- Королевский двор в Англии XV-XVII веков. / Под ред. С.Е. Федорова. СПб.: Наука, 2011. [Korolevsky dvor v Anglii XV-XVII vekov / Pod red. S.E. Fedorova. SPb.: Nauka, 2011].
- Королевский двор в политической культуре Средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал / Под ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2004. [Korolevskiy dvor v poliiticheskoy culture srednevekovoy Evropy. Teoriya. Simvolika. Ceremonial / Pod red. N.A. Khachaturyan. M.: Nauka, 2004].
- Шишкин В.В.* Французский королевский двор в XVI веке. СПб.: Евразия, 2018. [Shishkin V.V. Frantsuzskii korolevskii dvor v XVI veke. Sankt-Peterburg: Evraziya, 2018].
- Элиас Н.* Придворное общество. М.: Языки славянской культуры, 2002. [Aelias N. Pridvornoye obshestvo. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002].
- Knecht R.J.* The Renaissance Court, 1483-1589. L. – New Haven: Yale University Press, 2008.
- Princes and Princely Culture. 1450-1650. Vol. I. / Ed. by M. Cosman, A. Macdonald, A. Vanderjagt. Leiden: Brill, 2003.
- Royal courts in dynastic states and empires. A global perspective / Eds. J. Duindam, T. Artan, M. Kunt. Leiden-Boston: Brill, 2011.
- Starkey D.* Intimacy and innovation: the Rise of the Privy Chamber, 1485-1547 // The English Court: from the Wars of the Roses to the Civil War. L. – N.Y.: Addison-Wesley Longman Ltd, 1987. P. 71-118.